

18+

**ВИКТОР
УЛИН**
МЭЙЗЕР

**ШКОЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ**

Виктор Улин

Мэйзер. Школьная повесть

«Издательские решения»

Улин В.

Мэйзер. Школьная повесть / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605876-7

Повесть рисует несколько эпизодов из жизни школьных друзей. Они служат поворотными точками, после каждой из которых что-то меняется. Чувственная составляющая, столь важная в определенном возрасте, разных людей приводит к разным результатам. Общими являются их судьбы — веселые в начале, грустные в конце, лишенные будущего, как и у всех в современной России. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-605876-7

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

I		6
	1	6
	2	8
	3	11
	Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мэйзер Школьная повесть

Виктор Улин

Моему другу М.З.

Фотограф Виктор Улин

Благодарности:

Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5876-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«Человек подобен дуновению;
дни его – как уклоняющаяся тень».**

(Пс. 143:4)

*Перелистывая страницы своего отрочества, я иногда пытаюсь провести параллели с литературными героями – например, с Джимом Хокинсом из Стивенсоновского «**Острова сокровищ**».*

Мальчишка тоже был энергичным.

Но он жил в пуританской Англии восемнадцатого века, когда подростков привлекали химеры: морские бандиты, черные метки и несуществующие острова с сундуками золота.

Я вырос в безнравственной России начала третьего тысячелетия.

Мои внутренние устремления были куда более реальны.

Однако некоторые эпизоды жизни тоже могут оказаться в чем-то поучительными.

I

1

– Это вам не какая-нибудь «Гранта-Сранта», – сказал узкоглазый, как китаец, Артем. – И эмблема – не уёбищная лохань под парусом, а трезубец!

– Трезубец у тебя в жопе, – возразил Дима, имеющий непечатное прозвище. – А там – корона.

– А вообще, чуваки... – мечтательно протянул кривоногий Леша. – Имей я такой «мэйзер» – все девчонки были бы мои. Встали бы в очередь на раздачу.

– Видел, сколько у него глушителей? – добавил нервный Боря, про которого говорили, что он спит в коридоре.

– А сколько кнопок на руле? – подхватил придурок Валера.

– Какого черта болтать, – поморщился интеллигентный Илья. – Вы у этого «мэйзера» даже до короны дотронуться не решитесь.

– А если дотронетесь, – вставил Глеб, носящий лаконичную кличку «Глебало». – Вас самих пересчитают так, что останетесь без пипирик.

Он должен был учиться в десятом, но – тупой, как каблук – просидел год в классе выравнивания.

– Точно, – согласился золотушный Андрей. – Мужики, давайте о бабах!

– Гет гётовы е! – воскликнул азербайджанец Зейнур, самый красивый парень школы. – Настоящий мужчина не пиздит о женщинах, а...

– Да ну тебя, – перебил Валера. – Кому как, а нам и попиздеть в радость.

От большой перемены оставалось еще достаточно.

Пол подрагивал: внизу бесновалась малышня. Там радовались, что закончились зимние каникулы и можно снова безобразничать всем вместе.

Мы, девятиклассники, набились в туалет, заговорили сначала о машинах, потом соскользнули на любимую тему.

Мы не были больными или озабоченными – как раз наоборот, в нас кипело здоровье.

И потому в приоритетах стояло главное из жизненных удовольствий – тем более острое, что запретное.

А всяческие пираты и космонавты нас не интересовали.

И, уж точно, мы не играли в тимуровцев.

– Ну, так вот, – заговорил Леша. – Лучше нету, чем...

– Самый кайф, – перебил плюгавый Игорь. – Это когда ты только начинаешь. А потом...

Он высунул руку в окно и обтряс столбик пепла с сигареты.

Я молчал, не вступая в разговор.

– Ерунда, – Валера махнул рукой. – За люляки взять потуже – и нажаривай.

– Нет, мужики, скажу я вам, – вступил тощий Коля. – Самый класс – это анал.

– Какой по «Кристаллу»? – спросил Дима.

– Не канал, а анал.

– Фигня, – сказал хитроватый Антон. – Главное – возбудить клитор. И вот когда...

– Антоша-гондоша, не пизди, пока не лопнул, – наконец заговорил Макс, мой лучший друг и сосед по парте. – «Клитор»... ЧМО безъяйное. И вообще все вы...

Он обвел компанию рукой.

– ...Уёбные пидарасы, которые понятия не имеете о настоящей пизде!

Лексикон у нас девятиклассников был таким, что от стыда за «*будущее России*» розовели потолки.

Впрочем, я учился в отстойной школе.

В нашем микрорайоне она была единственной, а ездить в какую-нибудь приличную у меня не имелось возможности.

– Но я... – проблеял Андрей.

– Фонарик от буя... «*За люльки взял*». За свои себя возьми.

– Но... – ввязался Илья.

– Крюгер идет! – гаркнул Макс, выглянув в окно. – Счас вас всех отхуесосит.

Служитель, выполнявший функции вахтера, ночного сторожа и вышибалы с дискотек, жестко пресекал курение в туалетах.

Кисть его правой руки имела мясной цвет – то ли после какой-то войны, то ли от ожога, оттуда и возникла кличка.

На нас упало молчание.

Вонючая тишина нарушалась звуками группы «*Mad Pricks*», несущимися из наушников *iPod*.

Отец подарил мне девайс на минувший день рождения.

Он был куплен в крутом магазине и стоил, как комплект новой летней резины для десятой модели «*жигулей*». Мне завидовали.

– Я пошутил, – усмехнулся Макс после паузы. – Крюгер свалил за пивом.

– Так ты...

– Заткнитесь, дегроды!

На нас смотрели наскальные рисунки, один другого выразительней.

Лаконизм был убог: груди имели форму кругов с точками-сосками, а наиболее интересные места представлялись заштрихованными треугольниками – но бил в глаз.

Росписи возникали сами по себе, хотя стены туалета непрерывно скребли, белили и красили заново.

Макс длинно сплюнул.

– Слушать вас, уши вянут. А кто из вас видел в натуре голую женщину?

Все молчали.

– Поднимите руку!

И хотя вранье не могло подтвердиться, никто не шевельнулся.

Моего друга опасались больше, чем Крюгера.

Тот лишь грозился, а этот бил, причем с хорошими синяками.

Валера, стоявший ближе всех, даже отодвинулся – боком, как попугай.

– Все вы пидарасы, – удовлетворенно подытожил Макс. – Встаньте в круг и сосите друг у друга.

– Но... – заговорил не в меру воспитанный Илья.

– Вам сто лет драть перед монитором. А я уже ебался и знаю, что это такое.

Пустота, повисшая после этих слов, казалась гробовой.

– И если еще раз услышу пиздеж о том, в чем нипизды не понимаете...

Вдалеке затрещал звонок.

Макс вышел первым.

За ним последовал я.

Потом остальные потащились на урок по культуре родного края, где предстояло пересчитывать не кнопки на руле «*мэйзера*», а цветки курая на гербе.

2

– Надоели болтуны дешевые, – сказал Макс, когда мы стояли на крыльце, не в силах расстаться после уроков.

Когда в начале зимы улегся снег, школьный двор с дорожками, протоптанными серо-желтой слякотью, напоминал сливочное мороженое, кое-где посыпанное ванильной крошкой.

Сейчас тут было ледовое побоище.

Друг поддал ногой пачку из-под сигарет.

Я машинально проследил за ее полетом.

Смятая картонка пролетела метра три: удар Макса был замечателен – и упала возле замерзшей снежной бабы, которую младшие классы лепили в ноябре

Школьная дворничиха по прозвищу «*миссис Симпсон*» до сих пор не вышла из каникулярного запоя.

По сравнению с нашим двором туалет рынка «*Юрматы*» показался бы операционной в центре микрохирургии глаза.

Пестрели обертки от шоколадок, смятые бутылки из-под воды. Яркими пятнами красовались коробочки от презервативов; тут же валялись и они сами. Три штуки были наполнены и завязаны. Один лопнул, под ним протаяла черная дырка.

Вряд ли это оставили любители секса на холоде.

Скорее всего, изделия отработал Крюгер, пригласив ночью проститутку, а потом демонстративно разбросал результаты.

– Правильно вломил гондурасам, – согласился я, переключив плеер на следующий альбом. – Другого бы не послушали, при тебе заткнутся.

Макс был крепким и плечистым – почти как настоящий мужчина – на целую голову возвышался над всеми, включая меня.

В этом году он начал бриться, о чем никто из нас еще не помышлял.

Мощной фигурой друг напоминал профессионального футболиста, хотя в футбол не играл.

Он не занимался спортом, не интересовался ничем, кроме компьютеров.

– Влад, ты не понял, – Макс повернулся ко мне. – Я в самом деле имел интимное дело с девушкой.

Наедине наш лексикон становился почти нормальным.

Да и вообще вдвоем мы делали другими, нежели на публике.

Я даже вынимал наушники *iPod*-а, чтобы музыка не мешала разговаривать.

– Всего один раз.

Он спиннул с крыльца что-то еще.

– Но поёбся.

– Врешь, – вырвалось у меня.

Секс – никому в реальности не известный – считался святым делом.

А шутки со святыми вещами не приветствовались.

– Не вру.

Слова прозвучали так, что я поверил.

Впрочем, насчет вранья я выпалил чисто для порядка: друг никогда мне не врал, ни по мелочи, ни в крупном.

Я покачал головой.

Познание женщины поднимало на высоту бОльшую, чем если бы у него возник желтый «*Феррари*» или красный «*Мустанг*».

– Не вру, – повторил Макс со странным вздохом.

– А когда?

Я готов был отрубить любую из рук, чтобы узнать подробности.

– Недавно, – друг криво усмехнулся. – Могу дату сказать. Двадцать пятого декабря.

– Двадцать пятого? – я задышался от нетерпения. – Так тогда же... была дискотека. Новогодняя, общешкольная.

– Да. Была, – подтвердил Макс.

– И...

Я замялся.

Правильная фраза нашлась не сразу.

«Ну и кого ты трахнул?» годилось лишь для какого-нибудь Глеба или Димы.

«С кем ты стал мужчиной» или «Кому отдал свою девственность» напоминало дрянной американский фильм про подростков.

«Кто стала твоей избранницей» тоже было киношной пошлостью.

И я спросил просто:

– И кто – она?

– Дай слово, что никому не скажешь.

– Никому не скажу.

– Поклянись.

– А не буду клястись, – я отмахнулся. – Можешь не говорить. Сам угадаю.

– Угадай, – Макс хмыкнул.

– А и угадаю.

Я уважал его настолько, что догадки начал строить от Эвереста:

– Титни Спирс!

Таким было прозвище самой сексуальной девочки школы – одиннадцатиклассницы Радмилы Ивановой.

«Спирс» присоединилось по созвучию, «Титни» родилось от особенностей бюста. Что бы ни надевала Радмила, масса вываливалась наружу.

Не представляю, как переживали присутствие Ивановой учителя-мужчины. Время от времени ей делали замечание, тогда Титни заталкивала свое богатство поглубже, но этого хватало на пять минут.

Какие у нее были ноги, задница и глаза, никто не знал – точнее, не смотрел: все затмевала грудь.

Радмила жила словно за стеклянной стеной; никаких пошлостей про нее не говорил даже Игорь, негодяй и редкостный враль.

От первой догадки друг даже не отмахнулся.

За Титни приезжал кент на двухдверном фиолетовом «Мазерати», единственном в нашем городе – по хваткам не старший брат.

Макс обладал тем, что взрослые именуют «харизмой», а умным вечно хмурым лицом напоминал актера Лино Вентуру.

Но при всем том он оставался одним из нас – нищим подростком, живущем с такими же нищими родителями в помоечном микрорайоне.

Шансов с этой девчонкой у него не было.

Дальше я принялся перебирать серьезно.

Я поименовал более-менее выдающихся однокашниц: грудастых, задастых, ногастых, пухлых и тонких.

Исчерпав основной фонд, я перечислил оставшихся, вспомнил даже Юлю Маркешко с такой недоразвитой грудью, что на физкультуру она могла бы ходить в одних трусиках.

Затем я перешел на педагогинь.

Я перебрал учительниц: от молодой географички до старой директрисы, высохшей наподобие стручка акации.

На каждое имя Макс отрицательно мотал головой.

Тогда я спустился до теток из технического персонала.

Первой в списке шла завстоловой – маленькая женщина с огромной грудью. Ее все звали «Поша». Не зная имени, мы полагали, что кличка происходит от слова «пончик», который она напоминает.

Дойдя до миссис Симпсон, я поднял руки.

– Она не из наших, – сообщил Макс, насладившись моим бессилием.

– Ну, так о чем говорить? – я возмутился, хотя сам предложил играть в гадалку.

– Вообще не из школы.

– Ладно, Макс, – я тяжело вздохнул. – Чтоб случился «день Сурка» и я навсегда завяз в этой проклятой школе, если разболтаю.

– Это была Ларка, – сказал он, не глядя на меня.

– Ларка?!..

Мне показалось, что крыльцо качнулось.

Лариса была старшей сестрой Макса.

Она училась в нашей школе, и когда-то водила его сюда – правда, я этого не помнил.

Сейчас Ларисе было за двадцать, она оставалась в семье, но вела самостоятельную жизнь.

Денег у родителей не водилось, поэтому Лариса в институт не пошла, работала продавщицей магазине одежды и, кажется, училась где-то на заочном.

Впрочем, все это я знал со слов Макса, поскольку его сестрой не интересовался, в последний раз видел ее на их последнем звонке, куда согнали поздравлять всю школу от первого класса до десятого.

Встретив Ларису на улице, я бы ее не узнал.

Никакого интереса к ней я не испытывал.

Но известие шокировало.

Мы могли обсуждать всех: от неприступной Титни до дворничихи с английским прозвищем – однако сестра выходила за рамки.

– Зарулим в кафешку, расскажу, – коротко ответил друг.

3

Кафе «Карлсон» изначально считалось детским, но сейчас тут продавали все, что можно и чего нельзя.

Мы не стали брать пива, хотя верзиле Максу налили бы даже водки.

Взяв по «Кока-коле» – мерзкой и отдающей растворителем – мы уселись в угол, чтобы никто не приблизился сзади.

Макс рывком скрутил красную крышку, липкое пойло хлынуло ему на штаны.

Музыка гремела громко. Напор, с каким друг упомянул падших женщин, остался неуслышанным.

Я открыл свой баллон аккуратнее.

Отхлебнув, я подождал, пока из носа выйдут пузыри, и продолжил оборванный разговор:

– Но ведь это кровосмесьительство. Уголовно наказуемо.

Друг помолчал, глядя на свои брюки, которые в доли секунды из почти свежих превратились в грязные.

– Всего и было-то один раз, – ответил он. – После той трижды ёбаной дискотеки. Ты ее помнишь? Наобжимался так, что готов был трахнуть пустую бутылку.

– Да уж... – я вздохнул.

Сильно распространяться о дискотеке я не стал.

Сам я чуть не сошел с ума.

До прошлого нового года нашим уделом оставались «вечеринки» – убогие посиделки с чаем и пирожными в своих кабинетах при салфеточных снежинках, наклеенных на окна и под надзором классных руководительниц.

А в последний новый год пустили на «взрослое» мероприятие.

Девчонки, которые толкали то грудью, то задницей, довели меня до безумного состояния.

Дискотека еще не закончилась, когда я побежал в туалет – тот, в котором болтали о женщинах.

Нажевав несколько полосок жвачки, я приклеил телефон к стене и открыл порнофото, где женщина занималась тем же самым – правда, не стоя над грязным унитазом, а лежа на чистом кожаном диване.

В подобной ситуации она почему-то нравилась особо.

– И вот прихожу я домой, – продолжал Макс. – Все как обычно, черепа в большой комнате, телевизор орет. Я к себе, включаю комп, надо срочно запустить порнуху.

Я кивнул.

Проблемы у всех были одинаковыми до боли.

– У меня хорошо. Закроюсь – и сам себе хозяин. Комп черепа купили, поняли, что без него никак. А наушники и джойстик – на них уже я сам заработал.

– Как?

– На опросных сайтах. У меня десяток разных аккаунтов. На одном я школьник, на другом – пенсионер, на третьем студент, на четвертом мать-одиночка, на пятом управляющий банка, и так далее. Так нельзя, ясное дело, но я регился через тор.

– Через бублик?! – изумился я.

– Хуя мне бублик. «Тор» – приватный браузер, прячет айпишник. Могу хоть зоопорно смотреть, хоть рынок оружия...

В речи друга я понимал одно слово из десяти.

Сам я не мог назвать себя продвинутым пользователем.

Но Макс был компьютерным гением, даром что родился в семье огородников.

– ...Короче, сiju, думаю. Какое видео запустить: с голыми, или в чулках.

– А у тебя на компе запускается интернетское видео? – я удивился. – У меня не тянет.
– У меня тоже не тянуло, пока не апретейдил видяху. Но размер маленький, с кошачью задницу. На фотках видно лучше, зато там двигаются.

Друг помолчал.

– Потом слышу, является Ларка. У них в магазине был корпоратив. Пришла поддатая. Дверью громко треснула, потом шубу уронила.

Он отпил своей «Колы», задумчиво посмотрел через стакан.

– Мне-то похеру, не мешает. Но вдруг скребется ко мне. «Максим, хочешь сделаю тебе подарок на новый год?» Я отвечаю – «а какой?» А она – «пойдем ко мне, увидишь.»

– И ты пошел?

– Пошел. Зашли к ней в комнату. Ларка заперла дверь. Сама в черном платье, сейчас все в таких, с одного рынка. Винищем несет, как не знаю от кого. А потом – р-раз! – и стоит в одном лифчике! Представляешь?

– Ну, ясное дело, что в лифчике, – ответил я, не вникнув в суть происходящего. – А в чем еще?

По порнографическому опыту я знал, что современные женщины не носят под платьем ни комбинаций, ни прочей ерунды.

– Ты не понял, Влад, – пояснил Макс. – Я сказал – «в одном». На ней не было ничего, кроме лифчика.

– Как это? Она что – не носит трусов?

– Носит. Но, по ходу, на вечеринке потеряла.

Взрослый мир жил по иным законам, чем наш.

Я лишь спросил, пытаюсь говорить спокойно – поскольку Максина сестра без трусов вдруг взволновала:

– Ну, а что дальше?

– Дальше...

Макс опять сделал передышку, заполненную «Колой».

– ...Дальше было больше. Стою ишак-ишаком и спрашиваю: «Ну и где твой подарок»? У меня в яйцах атомная бомба и вот-вот взорвется, порнуха ждет. А она говорит – «ты что, совсем дурак, не догоняешь»? Я говорю – нет. А Ларка – «лифчик мне расстегни, тогда догонишь, идиот».

– И ты расстегнул? – уточнил я.

– А ты как думаешь?

Я замялся, никогда не бывав в подобной ситуации.

Мама, конечно, носила лифчики, но я никогда не рассматривал, даже не знал, как они расстегиваются.

В порнофотках действие всегда проходило как-то смазанно.

– Ты бы на моем месте ушел? или расстегнул?

– Не знаю, – честно ответил я.

– А я знаю.

Друг еще раз помолчал.

– Хотя, наверно, лучше бы не знал.

Я ничего не сказал, ждал продолжения.

– Короче, расстегнул. Ноготь, правда, сломал пиздовской застежкой. А она спрашивает – «ну что, догнал наконец?»

– И что ты?

– Да ничего. Только рот открыл, Ларка говорит – «хочешь меня трахнуть?»

– Она так сказала?!

Я задохнулся словами.

Когда Макс признался про интимное дело с сестрой, я подумал, что он изнасиловал ее от безысходной неудовлетворенности.

Но представить, что предложила она сама, я не мог.

– Ну да. И дальше – «это за то, что я разбила твою камеру!»

– Какую... камеру? – переспросил я.

– Обычную, – ответил он. – Ты что, никогда не подглядывал за старшей сестрой?

– Нет. У меня нет сестры. Ни старшей, ни младшей, никакой.

– Сочувствую.

Макс вздохнул.

– Это пиздец, как здорово. Смотреть, как раздевается, одевается. Как застегивает лифчик и как расстегивает. Как натягивает то чулки, то колготки. Как красит ногти на ногах, выщипывает волосы пинцетом. Как трахается...

– С кем? – глупо уточнил я.

– С ебарями. Когда у Ларки выходной, иногда приходят днем, пока черепа на работе. Если я в школу не ушел, она даже не выгоняет, просто запирается у себя.

Друг сделал паузу.

– Ты же помнишь нашу квартиру?

– Не помню, – ответил я. – Потому что никогда не бывал.

– Трехкомнатная, Ленпроект – для жарких стран Узбекистана, стены в кулак толщиной, окна без подоконников, батареи в два листа. Но не в этом дело. Планировка буквой «Гэ». Заходишь – налево тубзик, потом ванна, потом кухня два на три. А прямо коридор. Первая комната маленькая, это Ларкина. В тупике большая, там черепа. А справа моя – тоже маленькая, но узкая, как фургон.

– Примерно понял.

– В соседних просверлил бы стенку. А так через прихожую, на разных сторонах. Взял беспроводную камеру, спрятал у нее на полке.

– И как, получилось... что-то увидеть?

– Еще как получилось. Одно дело дронить на какую-то тетку, а совсем другое – когда она в трех шагах.

Я попытался представить зрелище.

Этого не получалось.

– Камеру поставил, когда Ларки не было дома. Подобрал угол. Потом изучил ее до последней точки.

– Изучил?

– Ну да. Сиськи, например, у нее дурацкие, растут далеко друг от друга. В лифчике куда ни шло, а как снимет – утекают в подмышки. И соски разные, один круглый, второй длинный.

Кровь горячо забила в голове, я не слышал Максовых слов.

– ...Но самое то, когда она дронит пизду.

– А что, она?..

В горле пересохло, слова застряли.

– А ты как думал?

Он усмехнулся.

– Ларка тоже человек. Вечером перед сном иногда хочет расслабиться.

У меня заложило уши.

Я вспомнил женщину, видом которой удовлетворялся на той дискотеке.

Вероятно, она была в Ларисином возрасте.

– ...Я даже наловчился кончать одновременно с ней.

У Макса закончилась «Кока-кола», он без спроса взял мою бутылку, плеснул себе, выпил, потряс головой.

– Короче, кайфовал, как эмиратский бухарест. А потом накрылась коту масленица. Ларка вытирала пыль и нашла камеру. Выбросила в окно, меня чуть не убила.

– Да уж, – сказал я и кивнул в сочувствии.

– Хотя что плохого-то я сделал, что? Ну, подглядывал, ну рассматривал сиськи-письки, ну дрович – ну и что? Приставать к ней не собирался.

Мой кивок, вероятно, был таким же невнятным.

Я и до Максова рассказа знал, что некоторые парни подглядывают за старшими сестрами, а у кого нет – за матерями.

Мне это казалось не то, что диким, но неестественным.

В саду женщины ходили в купальниках или даже в трусах и лифчиках из разных наборов.

По периметру участка у нас росла черная смородина – густая и высокая, как забор. Я любил прятаться там и, наблюдая за полуголой соседкой, заниматься известным делом.

Мама имела прекрасную фигуру и большую грудь, на которую засматривались мужчины.

Но даже когда она переодевалась при мне и я видел черные волосы, отграничивающие низ живота, ко мне ничего не приходило.

Говоря культурным языком, я не ощущал нужного отклика в нужной части тела.

Видимо, Макс был устроен иначе.

Но, с другой стороны, Лариса была ему не матерью, а сестрой.

Я сестры не имел и вряд ли мог судить друга.

– А вообще, – продолжал он. – Полной *«Ромео и Джульетты»* не случилось. Я не такой мудака, каким кажусь...

– Мудаком ты не кажешься, – вклинился я.

– ...Лучшие эпизоды я записывал. Так что не все пропало. Но сам понимаешь...

– Понимаю.

– ...Видео – это одно. Остановил, перемотал – та же порнуха, только с Ларкой. А реальная камера в реальном времени – другое.

– Понимаю, – повторил я еще раз.

– Короче, камеру уебошила, взамен предложила потрахаться.

– И ты согласился?

– А что бы ты сделал на моем месте? – вопросом ответил Макс.

– Не знаю, – сказал я, начав повторяться. – Она же твоя сестра.

– Я ей то же сказал. А она – типа *«какая разница, мы детей делать не собираемся»*.

Я вздохнул в очередной раз.

– На самом деле Ларке пофиг. Она трахается с половиной города. Одним меньше – одним больше, брат – не брат... Без разницы.

– А как... там?..

Несмотря на чудовищность рассказа, меня гнало любопытство.

Я понимал, что расспрашивать не следует, но остановиться не мог.

– ...В женщине?

– Тебе как?

Вздых друга был тяжелее, чем когда-нибудь.

– — Давай в целом, – сказал я, поняв, что Макс не хочет пересказывать эпизод.

– Короче....

Я молчал.

– ...Дрочить на кого угодно – ну, хоть на ту, у которой каждая грудь, как баскетбольный мяч...

– Джианну Микаэлс, – подсказал я, зная порноактрис лучше, чем героев всех российских войн.

– Ну да. Так вот, смотреть порнуху и трахать настоящую женщину – это все равно, что...

Макс сделал паузу.

– Все равно, что играть в самую крутую «*Need for Speed*» или ехать на настоящей машине. Даже на отцовом «*Запорожце*», на котором он возит говно из сада в погреб и обратно.

Сравнение показалось верным.

Наша «*десятка*» была не машиной, а конструктором «*Сделай сам*». Каждое воскресенье отец, сдавленно матерясь, что-нибудь в ней чинил.

Но когда он давал порулить, я забывал даже о сиськах Титни Спирс.

Долив остатки моей «*Колы*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.